

Артём Бабушкин (Санкт-Петербург)

Авторские и издательские стратегии Е. Н. Ахматовой

Artem Babushkin (Saint Petersburg)

Author's and Editor's Strategies of E. N. Akhmatova

Резюме. Статья посвящена литературной деятельности писательницы, переводчицы и издательницы Е. Н. Ахматовой (1820—1904), которая рассматривается в контексте женской литературы и участия женщин в культурном производстве. На протяжении почти тридцати лет (с 1856 по 1885 гг.) Ахматова издавала ежемесячный журнал «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов». Будучи одной из немногих профессиональных женщин-издательниц своего времени и привлекая к работе над журналом преимущественно женщин, Ахматова тем не менее дистанцировалась от участия в обсуждении «женского вопроса». Как показывается в статье, такая позиция соответствовала общей практике участия женщин в литературном процессе того времени, где женской литературе зачастую отводилось место «легкого чтения», не поднимающего серьезных вопросов, а самим женщинам — второстепенные роли (например, переводчиц). Рассмотрение оригинальных повестей Ахматовой позволяет выявить схожую логику — проявляя интерес к положению женщины в семье и обществе, Ахматова избегала прямой критики, допуская ее лишь в тех случаях, когда это не могло оттолкнуть читателя.

Ключевые слова: Е. Н. Ахматова, женский вопрос, женская литература, история журналистики.

Abstract. The paper deals with the literary work of the writer, translator and editor E. N. Akhmatova (1820—1904), which is analyzed within the context of women's literature and women's participation in cultural life. For almost 30 years (from 1856 to 1885), Akhmatova edited the monthly magazine *Sobranie inostrannykh romanov, povestej i rasskazov*

(“Collection of Foreign Novels and Short Stories”). Being one of the few professional women-editors of the time and mostly employing women for the journal’s work, Akhmatova, nevertheless, avoided participating in the discussions of women’s issues. As the article shows, this position was in accordance with the general patterns of women’s participation in the literary practices of the time, as women’s literature was assigned the role of “light reading”, not raising any serious questions, while the women themselves were assigned the secondary roles in literary economy (such as the roles of translators). The examination of Akhmatova’s original novels demonstrates a similar logic: showing interest for women’s position in society, Akhmatova avoided direct criticism, except for cases where it would not repel the readers.

Key words: E. N. Akhmatova, women’s literature, woman question, history of journalism.

Елизавету Николаевну Ахматову (1820—1904) сложно назвать заметной фигурой в истории русской литературы XIX века, несмотря на оставленное ей обширное и разностороннее литературное наследие — от создававшихся с 1840-х гг. повестей и художественных переводов до мемуаров, описывающих ее общение с такими литераторами и журналистами, как А. В. Дружинин, Н. С. Лесков и О. И. Сенковский¹. Ахматова издавала три журнала, наиболее крупным и известным из которых было «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов» (далее — «Собрание...» — А. Б.), выходявшее с 1856 по 1885 г.; оно же, по всей видимости, и сформировало Ахматовой репутацию, из-за которой она не вызывала большого интереса у исследователей. Уже С. А. Венгеров характеризовал «Собрание...» как журнал, «пользовавшийся популярностью в провинциальной публике средней руки», а саму Ахматову как редактора, руководствовавшегося скорее «занимательностью» публикуемых произведений, чем их художественной ценностью, хотя периодически и публиковавшего таких важных

¹ См. краткую справочную статью об Ахматовой [Крылова 1989], а также работы, описывающие ее литературные контакты 1850-х гг. [Степина 2013], [Бодрова 2019].

авторов, как Жорж Санд или В. Гюго [Венгеров 1889: 879—881]. Позднейшие исследователи в основном ограничиваются тем же указанием на развлекательный и коммерческий характер «Собрания...», не рассматривая деятельность Ахматовой более подробно [см.: Рейтблат 2014: 104—120]. Между тем Ахматова была одной из немногих женщин-издательниц середины XIX века, и изучение ее трудов (как мемуаров, в которых она ретроспективно осмысляет свою издательскую деятельность, так и материалов «Собрания...», в работе которого были заняты почти исключительно женщины) позволяет, с одной стороны, взглянуть на саму Ахматову в новом свете, а с другой — дополнить картину участия женщин в литературном процессе второй половины XIX века.

Гендерный аспект деятельности Ахматовой был важен уже для ее современников — показательно здесь предисловие к публикации первой части мемуаров Ахматовой в «Русской старине», написанное редактором журнала М. И. Семевским. Представляя уже отошедшую от издательских дел Ахматову своим читателям, Семевский особо выделяет роль издательницы как «одного из тех пионеров женского интеллигентного труда, который вслед за тем, мало-помалу, получил, уже в наши дни, право полной гражданственности в русском образованном обществе» [Ахматова 1889: 273]. Такой взгляд вполне актуален для перспективы конца 1880-х гг., когда «женский вопрос» уже несколько десятилетий оставался в центре печатных обсуждений; а Ахматова, начавшая свою деятельность еще в середине 1850-х, до наиболее заметных дискуссий о женской эмансипации [Stites 1991: 30], действительно предстает одной из первых профессиональных писательниц и издательниц в России.

В своих мемуарах Ахматова также проявляет внимание к «женскому вопросу» — в частности, рассказывая о сложностях, возникших при получении цензурного разрешения на издание «Собрания...» в 1855 г.:

В министерстве Народного просвещения нашлись люди утонченно любезные, которые утверждали, что давать такое позволение женщине невозможно, потому что придется же когда-нибудь делать выговор, а даме это покажется не-

Артём Бабушкин (Санкт-Петербург)

вежливо. <...> Но блюстителей такой утонченной вежливости урезонили здраво-мыслящие люди [ИРЛИ. Ф. 12. Ед. хр. 5. Л. 4—4 об.].

Подобная «утонченная любезность» восходила, по всей видимости, еще к началу века — к ассоциируемым с сентиментальной культурой концепциям, поощрявшим пассивное участие женщин в литературном процессе в роли «музы» или читательницы [Зыкова 2005: 137], а также к салонной культуре, где женщина — хозяйка салона — находилась в амбивалентном положении: с одной стороны, она могла выступать со своими произведениями публично, но при этом серьезное восприятие и обсуждение этих произведений подменялось комплиментами сочинительнице-дилетантке [Rosenholm, Savkina 2012: 166]. Впрочем, к середине 1850-х такая «вежливость», по всей видимости, должна была казаться безнадежно устаревшей — и издательница вспоминает о ней не только с возмущением, но и с иронией.

Как указывает К. Ключкин, уже с начала 1840-х гг. женское творчество активно поощрялось в критике, хотя ему и отводили, как правило, второстепенное место в актуальной литературе — например, признавая за произведениями писательниц скорее субъективность и непосредственность выражения, чем соответствие высоким эстетическим стандартам. Более того, в конце 1840-х гг. женская литература, работающая с темами чувств и личного опыта, играет все большую роль в наполнении отделов словесности ведущих журналов, отчасти заменяя собой социально-ориентированную прозу, менее «благонадежную» и, соответственно, более рискованную в отношении цензуры [Ключкин 2019: 101]. В 1840—1850-е гг. труд писательниц оказывается затронут общей профессионализацией литературного поля, и видится важным в том числе с институциональной и экономической точки зрения.

При этом издательским делом женщины в России этого времени практически не занимаются — так, на 1855 г. единственной женщиной-издательницей в России была А. О. Ишимова — детская писательница, издававшая два журнала для девочек и девушек: «Звездочка» (1842—1863) и «Лучи» (1850—1863).

В своей деятельности Ишимова и другие сотрудницы ее журналов находились в рамках традиционных представлений о допустимом для женщины труде, в данном случае связанном с воспитанием детей. Сама Ишимова в своих произведениях подчеркивала важность традиционных женских ролей, что вызывало нападки на ее издания со стороны многих критиков [РПП: 302].

Ахматова, начиная издавать «Собрание...», пошла отчасти по тому же пути, что и Ишимова, выбирая область переводной литературы, к тому времени также давно открытую для женского труда². Зачастую отказывая женщинам в способностях к значимому оригинальному творчеству, современная критика поощряла их деятельность на второстепенных позициях — как авторов более развлекательного, «легкого» чтения, либо, например, в качестве переводчиц или переписчиц. Появлявшиеся с начала 1860-х гг. женские объединения («Женская издательская артель», «Артель переводчиц», «Артель наборщиц») также не были нацелены на оригинальное творчество, представляя своим сотрудницам работу на вспомогательных ролях [Ключкин 2019: 117].

Сложившиеся конвенции принимала и Ахматова — в своих воспоминаниях она позднее писала о «Собрании...» как о «скромном журнале, издаваемом скромной труженицей, в такое время, когда женский труд ещё был далеко не так распространен, как теперь» [ИРЛИ. Ф. 12. Ед. хр. 5. Л. 32 об.—33]. «Скромность» и второстепенность «Собрания...», которую подчеркивает Ахматова, видна сразу на двух уровнях — с одной стороны, это второстепенность труда переводчиц (и, соответственно, журнала, помещающего исключительно переводные тексты), с другой — второстепенность переводимых текстов, принадлежащих, как правило, неизвестным русской публике авторам и представляющих лишь дополнение к картине европейской литературы, представленной в крупных журналах. Однако такой уход на периферию литературного про-

² Сама Ахматова начала свою литературную карьеру в 1843 г. с публикации перевода романа графини Даш «Мальтийский кавалер» в «Библиотеке для чтения» [Ахматова 1889: 282].

цесса Ахматова использовала для того, чтобы сделать свою работу более независимой. С одной стороны, она была свободна в выборе произведений, публикуемых в «Собрании...»³; с другой, ориентация на второстепенные произведения, не поднимающие «серьезных» вопросов, выводила журнал Ахматовой из области литературной и общественной полемики и ограждала его от нападок критиков, почти всегда игнорировавших «Собрание...».

Женский вопрос также не обсуждался на страницах журнала, несмотря на то, что «Собрание...» было почти полностью женским проектом. В издании журнала у Ахматовой было несколько помощниц: переводчицы С. И. Снессорева и С. Г. Глинская, переписчица А. И. Шишенина и конторщица М. Н. Брянцова; мужчинами были только посыльный и метранпаж в типографии Глазуновых, где первоначально печатался журнал. При этом из четырех помощниц две были знакомы с Ахматовой еще до начала издания, во время ее сотрудничества в «Библиотеке для чтения» — и сама Ахматова в воспоминаниях не сравнивала свой журнал с похожими, но устроенными на других основаниях женскими обществами — такими, как «Женская издательская артель». Практическое поощрение женского труда противопоставлялось «пустым» обсуждениям в печати и более выраженным «феминистским» инициативам — в частности, Снессорева в автобиографии хвалила Ахматову, «без печатных криков» дающую женщинам жить собственным трудом [Снессорева 2003: 547].

Похожая логика — интерес к проблемам женщин в обществе и одновременно более или менее выраженный отказ от эксплицитной критики — была свойственна и оригинальным прозаическим произведениям, публиковавшимся Ахматовой под псевдонимом «Лейла» в начале 1850-х гг., до создания собственного журнала. В позднейших мемуарах Ахматова невысоко оценивала свои ранние повести — в частности, решение перейти к издательской деятель-

³ Как вспоминала Ахматова, ее соредактор А. А. Краевский не участвовал в редакционной политике журнала [см.: Бодрова 2019: 34—36]; публикация же переводных произведений освобождала Ахматову от необходимости взаимодействия с авторами.

ности она обосновывала в том числе разочарованием в своих писательских способностях [ИРЛИ. Ф. 12. Ед. хр. 5. Л. 1]. Тем не менее во время написания повестей Ахматова была уверена в собственном успехе, а ее авторские стратегии могут отчасти объяснить выбор произведений, публиковавшихся в «Собрании...» в первые годы издания. В частности, можно рассмотреть повесть «Кандидатки на звание старых дев», опубликованную в «Библиотеке для чтения» [Ахматова 1852]. В центре повествования — умная и хорошо образованная сирота Полина и две ее сестры; по сюжету главная героиня отказывается от брака для того, чтобы не соперничать с сестрами, также влюбленными в ее жениха. Хотя сюжет повести выстроен довольно мелодраматично, в разработке характера главной героини Ахматова следует традиции публиковавшихся с конца 1830-х гг. повестей М. С. Жуковой, зачастую ставившей в центр повествования традиционно периферийные или комические типы героинь — например, создавая оригинальные образы «старых дев», в литературе того времени обыкновенно изображавшихся педантичными и бесчувственными или же служивших объектом насмешек. Полемичный по отношению к этой традиции образ Жукова создает, например, в повести «Мои курские знакомцы» (1838), героиня которой из-за предрассудков светского общества лишается возможности выйти замуж и после этого посвящает себя заботе о семье [см.: Савкина 1998: 187].

Полина из повести Ахматовой — довольно характерная «жуковская» героиня: умная и образованная, но не отличающаяся красотой на фоне сестер, с детства приучающаяся к самоотречению и жизни ради своей семьи. Самоотречение — основная черта ее характера, определяющая ее решение не выходить замуж и остаться с сестрами. При этом, как и в «Моих курских знакомцах», где героиня приносит семейное счастье в жертву светским предрассудкам, Полина в повести Ахматовой чувствует, что в своем самоотречении она лишь потакает эгоизму сестер. В обеих повестях изображается самоотверженная, жертвенная героиня, однако это самоотречение ставится под вопрос: у Жуковой — из-

Артём Бабушкин (Санкт-Петербург)

за негативного влияния света, у Ахматовой — из-за сложных отношений внутри семьи. «Старая дева» у Ахматовой и в семейной жизни лишается возможности самореализации, что вынуждает ее искать другие цели в жизни.

Другой образ жертвенной героини Ахматова создает в повести «Блистательная партия» [Ахматова 1858], где она более радикально критикует положение женщины в современном обществе. Согласно воспоминаниям Ахматовой, повесть была запрещена цензурой в начале 1850-х и из-за этого была опубликована только в 1858 году [Ахматова 1890: 356]. Софья, главная героиня повести, — тоже сирота, воспитываемая в семье дяди и по его принуждению соглашающаяся на брак по расчету. Ее муж оказывается довольно карикатурным тираном, однако влюбившись впоследствии в другого мужчину, Софья отказывается от романа с ним, решая остаться с мужем и маленькой дочерью.

Брак по расчету — центральная тема повести; к этой традиции главная героиня относится с резким отторжением. Брак для нее — «одно из святейших учреждений, так искаженное светом, где оно сделалось чем-то вроде торговой спекуляции» [Ахматова 1858: 399]; в этом она расходится с другими героями повести, рассматривающими брак более прагматично. Брак по расчету критикуется как практика, в буквальном смысле объективирующая женщину: так, постоянно подчеркивается, что муж Софьи — большой любитель изящного и на жену смотрит как на лучшее украшение своей гостиной, при этом требуя от нее полной покорности [Ахматова 1858: 427]. В сущности, и вполне дидактичный сюжет повести показывает, что брак по расчету несовместим с добродетельностью героини: она влюбляется в другого мужчину, поскольку не встречает в муже никаких признаков заботы; в то же время чувство долга не дает ей оставить мужа и дочь. Разрыв между долгом и любовью приводит героиню к смерти, и у нее остается только надежда избавить дочь от такой же судьбы.

Во время написания повести и ее публикации (1852 и 1858 гг.) тема брака по расчету, вероятно, еще могла восприниматься как актуальная и так или иначе затрагивалась во многих произведениях, например, у Жуковой в повестях «Медальон» или «Барон Рейх-

ман» или у А. Я. Панаевой в рассказе «Безобразный муж». При этом у Жуковой, и у Панаевой героини в начале сами стремятся вступить в брак, впоследствии раскаяваясь в своей ошибке; у Ахматовой же конфликт добродетельной героини и циничного общества более прямолинеен. Для осуждения брака по расчету Ахматова прибегает к утрированному образу мужа-тирана; за счет этого критика положения женщины в семье ослаблена — так, Софья думает, что могла бы быть счастлива в этом браке, если бы супруг хоть немного ее уважал. Финал повести Ахматовой в некоторой степени похож на финал романа А. И. Герцена «Кто виноват?», где Круциферская, также не желающая оставить мужа, начинает угасать после отъезда Бельтова. Однако если роман Герцена можно прочитывать как критику брака в более широком смысле — как отношений, из которых женщина не может свободно выйти [см.: Прокудин 2018], то Ахматова направляет свою критику лишь на самую несправедливую его форму, в это время, вероятно, уже ощущавшуюся пережитком.

Исследователи творчества М. С. Жуковой называют одной из основных черт ее произведений важность гендерных ролей, которые ее героини не пытаются преодолеть (в отличие, например, от героинь Елены Ган). Зачастую Жукова создает трагические истории женщин, пытающихся соответствовать своей ограниченной роли в семье и обществе, избегая при этом открытой критики. Такую относительную консервативность связывают с тем, что Жукова как профессиональная писательница пыталась соответствовать читательским вкусам [Савкина 1998: 174]. В похожем направлении развивалось и творчество Ахматовой: как и Жукова, отказываясь от «бунтарства», она все же подвергала критике положение женщины в обществе, но обращалась к таким вопросам, по поводу которых консенсус, по всей видимости, уже был достигнут.

Закономерно, что ориентация Ахматовой-писательницы на образы и сюжеты, популярные в современной ей русской женской прозе, повлияла и на ее первоначальные планы издания собственного журнала. Так, в первый год выхода «Собрания...» (1856) в журнале преобладают авторы-женщины: женщинами написаны восемь из

За несколько лет до написания этой статьи Дружинин, обсуждая в письме к Ахматовой ее произведения, хвалил в них те же качества — в первую очередь, «великую и утешительную идею примирения с жизнью» [Ахматова 1891: 118]. Впрочем, такое примирение, как было показано, не означало для Ахматовой отказа от критики в целом. Речь идет, скорее, о доступных практических изменениях и об отказе от громких деклараций — как в творчестве, так и в ведении журнала, где такая философия оказалась удачной коммерческой стратегией, позволявшей привлекать читателей независимо от их убеждений. Ахматова вспоминала, что английская беллетристика казалась ей наиболее пригодной для «Собрания...», поскольку «ни в одной литературе нельзя было найти даже у второстепенных писателей такого умения, не поднимая широких вопросов, описывать талантливо и занимательно то, что составляет жизнь большинства» [ИРЛИ. Ф. 12. Ед. хр. 5. Л. 26 об.]. Впрочем, вскоре оказалось, что литература, описывающая «жизнь большинства», привлекает не всех, и Ахматова в своем журнале начала переносить акцент на приключенческие романы, в основном французские (например, Г. Эмара и Э. Габорио). Уже с конца 1850-х гг. в «Собрании...» женской прозы становится существенно меньше — хотя Ахматова продолжала переводить произведения Жорж Санд и английских писательниц, они уже не занимали в журнале такого существенного места и не формировали репутацию издания.

СОКРАЩЕНИЯ

ИРЛИ — Рукописный отдел Пушкинского дома

Ахматова 1852 — *Лейла (Ахматова Е. Н.)*. Кандидатки на звание старых дев // Библиотека для чтения. 1852. Т. 116. Отд. I. С. 1—59.

Ахматова 1858 — *Ахматова Е. Н.* Блистательная партия // *Сын Отечества*. 1858. № 14—16. С. 399—467.

Ахматова 1889 — *Ахматова Е. Н.* Осип Иванович Сенковский (барон Брамбеус). Воспоминания // *Русская старина*. 1889. № 5. С. 273—312.

Артём Бабушкин (Санкт-Петербург)

.....

Ахматова 1890 — *Ахматова Е. Н.* Осип Иванович Сенковский (барон Брамбеус). Окончание // Русская старина. 1890. № 8. С. 317—360.

Ахматова 1891 — *Ахматова Е. Н.* Знакомство с А. В. Дружининым // Русская мысль. 1891. № 12. С. 117—147.

Бодрова 2019 — *Бодрова А. С.* Издательская экономика А. А. Краевского в конце 1850-х — начале 1860-х годов. Складчина: Сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева; под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М.: ОГИ, 2019. С. 27—51.

Венгеров 1889 — *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб.: Семеновская типолитография, 1889. Т. 1.

Дружинин 1852 — *Дружинин А. В.* Коррер Белль и его романы: «Шэрли» и «Джен-Ир» // Библиотека для чтения. 1852. Т. 116. Отдел V. Критика. С. 28—54.

Зыкова 2005 — *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала. М.: Макс пресс, 2005.

Ключкин 2019 — *Ключкин, К.* Women's Prose in the Modernizing Cultural Economy: 1850s—1870s // Складчина: Сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева; под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М.: ОГИ, 2019. С. 98—121.

Крылова 1989 — *Крылова Г. А.* Ахматова Елизавета Николаевна // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 128-129.

Прокудин 2018 — *Прокудин Б. А.* Феминистская повестка первого русского политического романа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 224—237.

Рейтблат 2014 — *Рейтблат А. И.* Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014.

РПП — Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева и др. М.: Гос. Изд-во полит. лит., 1959.

Савкина 1998 — *Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30—40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998.

Снессорова 2003 — Снессорова С. И. <Автобиографическая записка> // Игнатий (Брянчанинов) свт. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Паломник, 2003. С. 539—554.

Степина 2013 — *Степина М. Ю.* Из предыстории ежемесячника «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов...» (1855—1856 гг. в жизни переводчицы Е. Н. Ахматовой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 197—214.

Rosenholm, Savkina 2012 — *Rosenholm A., Savkina I.* 'How Women Should Write': Russian Women's Writing in the Nineteenth Century // *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture.* Cambridge, United Kingdom, 2012. P. 161—208.

Stites 1991 — *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism: 1860—1930. Princeton, 1991.

Sutherland 1990 — *Sutherland J.* The Stanford Companion to Victorian Fiction. Stanford University Press, 1990.

Сведения об авторе: Артем Дмитриевич Бабушкин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), студент; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: a.d.babouchkine@gmail.com

About the author: Artem D. Babushkin, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg); St. Petersburg, Russia; e-mail: a.d.babouchkine@gmail.com